
УДК 821. 161. 1: 821. 352. 3

ББК 83. 002. 18

К 88

Кубова Ф.А.

Старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала Майкопского государственного технологического университета в пос. Яблоновском, соискатель кафедры русской филологии Адыгейского государственного университета, e-mail: Kubfa@rambler.ru

**Тургенев и Каламбий. К вопросу взаимосвязи
художественно-эстетических систем
(Рецензирована)**

Аннотация:

Проводится детальный анализ очерка А.-Г. Кешева (Каламбия) «На холме», сравнивается с «Записками охотника» Тургенева, написанного в традициях, распространенных в середине 40 – начале 50-х годов XIX века «физиологического очерка», приводятся типологические особенности этого жанра. Анализ позволяет сделать вывод об их ярко выраженном идейно-тематическом, композиционном и стилистическом сходстве.

Ключевые слова:

Адыгские просветители, документальный очерк, «физиологический очерк», Каламбий, Тургенев.

Kubova F.A.

Senior Lecturer of Department of Humanitarian and Social-Economic Disciplines of the Branch of Maykop State Polytechnic University in the settlement Yablonovsky, competitor for Candidate degree of Russian Philology Department of Adyghe State University, e-mail: Kubfa@rambler.ru

**Turgenev and Kalambiy. On an interrelation
of artistic-esthetic systems**

Abstract:

The paper provides the detailed analysis of a story of Kalambiy «On a hill». The author compares it to «Notes of the Hunter» of Turgenev written in traditions of «a physiological sketch», extended in the mid-1840s – the beginning of the 1850s. Typological features of this genre are described. The analysis allows the author to draw a conclusion on their strongly pronounced ideological-thematic, composite and stylistic similarity.

Keywords:

Adyghe educators, a documentary sketch, «a physiological sketch», Kalambiy, Turgenev.

В 1861 году А.-Г. Кешев (Каламбий) публикует свой очерк «На холме», который надежно закрепил за ним звание первого демократичного адыгского писателя-просветителя XIX века, поскольку именно в этом произведении впервые в истории адыгской просветительской литературы объектом писательского анализа стало крестьянство. Обращение Каламбия к живописанию крестьянского быта было неслучайным. В этот предреформенный период в русской литературе достигает своего наивысшего расцвета один из видов реалистического стиля, вошедший в историю литературы под названием «натуральная школа». В основу идейно-эстетической платформы «натуральной школы» легли произведения Гоголя, литературная критика Белинского, социально-философская публицистика Герцена. Представители «натуральной школы», изображая правду жизни, подвергают тщательному анализу повседневность и быт низших общественных слоев населения – городской бедноты и крестьянства. В их произведениях находят своё глубокое отражение острые проблемы современности: социального неравенства, столкновения классовых интересов, несправедливости крепостного права, унижительного положения бедных и «маленьких» людей, участи «лишних людей», ущемления прав женщины. На определённом этапе своего развития писатели «натуральной школы» обращаются к «физиологическому очерку». Это своеобразная разновидность документального очерка, основной целью которого является наглядное представление определенного социального класса, группы, общественного слоя, а также достоверное описание его жизни, среды обитания, устоев ценностей, функций («физиологий»). В русской литературе физиологический очерк нередко превращался в конкретное наблюдение за людьми так называемых презираемых профессий – дворников, мелких чиновников, ремес-

ленников и прочих представителей непривлекательных сословий. Сделав объектом писательского осмысления людей низшего сословия, русская литература совершила решительный шаг в направлении демократизации своей тематики, в утверждении тезиса об общедоступности искусства, как главной духовной ценности, на которую имеют право люди всех сословий и рангов.

Этим же самым идейным содержанием пропитан и очерк Каламбия «На холме». По мнению большинства исследователей творчества адыгского писателя-просветителя, «На холме» написан в традициях распространенного в середине 40 – начале 50-х годов в русской литературе «физиологического очерка», ставшего инструментом в руках Салтыкова-Щедрина, Григоровича, Некрасова, Тургенева для живописания картин бытовой жизни трудового народа русской провинции. Изучение очерка «На холме» Каламбия позволяет сделать вывод о его наиболее ярко выраженном идейно-тематическом, композиционном и стилистическом сходстве с «Записками охотника» Тургенева. Для конкретизации этого утверждения проведем детальный сравнительный анализ вышеуказанных произведений русского и адыгского писателей в свете их соотносительности с традициями «натуральной школы». Необходимо вспомнить, что «Записки охотника» – это цикл произведений, состоящий из очерков, рассказов и новелл, спаянных общей идейно-тематической спецификой.

В рамках рассматриваемой нами проблемы в орбиту нашего исследования включены следующие очерки, вошедшие в состав «Записок охотника»: «Хорь и Калиныч», «Однодворец Овсянников», «Малиновая вода», «Лебедянь», «Лес и степь». Все они не имеют разработанного сюжета, а представляют собой единство внешней портретной и внутренней характеристики действующих лиц, очерки подчинены цели описания быта, укла-

да и модели жизни представленных персонажей, а также описанию картин пейзажа. Эти же самые черты присущи и очерку Каламбия, посвященному теме народа, горскому крестьянству.

Прежде всего, необходимо отметить, что «Записки охотника» Тургенева и «На холме» Каламбия по своей идейной направленности зазвучали в унисон статье Белинского «Взгляд на русскую литературу 1847 года», в которой он писал: «Природа – вечный образец искусства и благороднейший предмет в природе – человек. А разве мужик не человек? – Но что может быть интересного в грубом, необразованном человеке? – Как что? – его душа, ум, сердце, страсти, склонности, словом, все то же, что и в образованном человеке...» [1]. Это программное заявление выдающегося критика русской литературы стало руководством к действию для целого ряда художников слова и как следствие значительно повлияло на содержание и идейно-тематическую специфику знаковых произведений второй половины XIX века: в частности на процессы усиления демократических тенденций в русской литературе и их зарождении в адыгской просветительской литературе. И Тургенев, и Каламбий стали своего рода первооткрывателями и новаторами в национальных литературах. Так, колоссальный заряд гуманности, демократизма, антикрепостнический накал, содержащийся в «Записках охотника», значительно повлияли на дальнейшее развитие всего литературного процесса России. По мнению Салтыкова-Щедрина, тургеневские «Записки» «положили начало целой литературе, имеющей своим объектом народ и его нужды» [2].

Влияние Каламбия на ход и развитие последующей адыгской просветительской литературы также трудно переоценить. Р.Х. Хашхожева пишет: «До Кешева никто с таким сочувствием и симпатией не изображал крестьян, не показывал с такой беспощадной правдивостью их нищету и обездоленность, не об-

нажал социального неравенства, низкого материального уровня жизни крестьянской массы, невыносимый социальный гнет и пробуждающийся протест против паразитирующего княжеско-дворянского сословия» [3]. Впоследствии демократический почин Каламбия, проявившийся в середине XIX века, продолжился в творчестве адыгского писателя-просветителя Кази-Бека Ахметукова, творившего в конце XIX-начале XX веков. И хотя писатель наряду с влиянием своего талантливого адыгского предшественника испытал на себе и благотворное воздействие таких выдающихся русских художников слова, как Чехов и Горький, роль Каламбия как первооткрывателя народной темы в адыгской литературе не уменьшается.

Как уже подчеркивалось выше, композиция «Записок охотника» Тургенева и очерка «На холме» Каламбия представляет собой типичное для физиологического очерка писание с натуры при отсутствии сюжета, или при его значительном ослаблении, отсюда и преобладание описания над сюжетом. В центре повествования адыгского писателя-просветителя – аульский холм, где собираются крестьяне аула для общения и обсуждения самых насущных жизненных проблем, фактически очерк посвящен адыгскому крестьянству, выявлению его так называемых «цеховых» признаков (по аналогии с русским физиологическим очерком, обобщавшим «цеховые» признаки извозчиков, шарманщиков, дворников и т.д.), познанию и раскрытию сущности его психологии. В уста наиболее активных участников разговора автор вкладывает мысли и реплики, раскрывающие основу мировоззрения типичного адыгского крестьянина, очень искусно противопоставляя его жизненной философии правящего сословия, которое условно обозначено в очерке как «обитатели кунацкой». Таким образом, в этом произведении Каламбий впервые в своём творчестве преодолел монолитность, общность и единообразие в изображении

психологии своего народа, национальной жизни своих соотечественников, так как разделил их на социальные классы.

Автор классифицировал, отделил друг от друга образ жизни, идеологию, систему ценностей адыгского дворянства и адыгского крестьянства, причем именно последнее, в понимании писателя, и есть тот социальный класс, который достоин уважения и признания за ним лучших человеческих достоинств на том основании, что является единоличным производителем материальных благ в обществе, поэтому именно он становится предметом его художественного осмысления, а правящее сословие представлено в очерке лишь в той мере, в какой это необходимо для обеспечения лучшего эффекта рельефности, зеркальности, глубины изображения собирательного образа горца-труженика, для его выгодного сравнения с праздным сословием князей и дворян, представленных в произведении как бесполезная социальная прослойка потребителей, промышленяющих воровством, разбоем и конокрадством.

Адыгский писатель-просветитель считает заседателей холма «людьми более положительными» уже на том основании, что они состоят «из людей работающих, из крестьян и тех обедневших дворян, которым судьба всучила в руки лопату и топор», потому что их удел – это ежедневный тяжелый труд, и иной жизни для себя они не представляют: свое счастье они связывают только с созидательным трудом, с достижением высот в своем ремесле, как, например, в случае с кузнецом Бечорой, имя которого овеяно доброй аульской молвой, потому что он непревзойденный мастер своего дела и плодами его труда пользуется весь аул. Сами заседатели холма, будучи настоящим оплотом и столпом адыгского общества, несущим на своих могучих плечах тяжкое бремя материального обеспечения своих и дворянских семей, озадаченные проблемами сугубо прагматичного свойства, позволя-

ют себе пренебрегать всякого рода условностями этикета в части своего внешнего вида. Здесь Каламбий опять-таки сравнивает два сословия и подводит читателя к мысли, что это вполне закономерно, поскольку человеку, потом и кровью добывающему тяжелый крестьянский хлеб, не до внешних эстетических изысков в одежде: «Холмовники – единственное сословие в нашем ауле, которое осмеливается не признавать разных тонкостей этикета и даже позволяет себе довольно непочтительно отзываться о нем. Они терпеть не могут тесного платья, которое хоть сколько-нибудь сдавливало их члены; поэтому между ними изгнаны из употребления пуговицы, а у некоторых даже и пояса. Это обличает в них отсутствие всякого желания сообщить своим фигурам стройность и красоту... Члены этого сословия ездят на арбах, возятся преимущественно с быками, отчего слышится от них запах скотины; но в то же время они довольно крепко держатся в седле, только их посадка тотчас изобличает, что спина лошади не им предназначена. Вообще аллах не дал им умения придавать каждому своему движению грацию, а одежде изящество. Говорю это, разумеется, сравнительно только с черкесским дворянством» [4].

Подобно тому, как Тургенев в традициях физиологического очерка, который по образному сравнению Горького стоит «где-то между исследованием и рассказом», исследует и пишет с натуры образы Хоря, Калиныча и других персонажей, искусно увязывая их внешние черты с внутренним миром, Каламбий также подробно черту за чертой изучает и открывает перед читателем особенности внешности холмовников, их образа жизни, связывая друг с другом эти факторы. У Каламбия холмовники и «обитатели кунацкой» – это откровенные антиподы. И хотя это представители одного народа, одной эпохи, но у Каламбия это два разных мира, если пользоваться терминологией «натуральной школы», две различные физиологии.

Всё в них непохоже друг на друга: одежда, осанка, фигура, нравы, образ жизни. И здесь есть воплощение тезиса о единстве «человека» и «среды» – взаимосвязь этих компонентов, по словам Ю.В. Манна, составляла «нерв физиологий». Каламбий пишет: «У заседателей холма свои особенные наклонности, свой образ мыслей, свой взгляд на вещи, свои идеалы, прямо противоположные стремлениям, воззрениям и идеалам кунацкой... Даже наружность холмовников отличается каким-то отпечатком: у них широкие плечи, короткие толстые шеи, ручищи, похожие на медвежьи лапы, крупные черты лица... О наряде нечего и говорить» [4].

Адыгские крестьяне Каламбия возведены им на высокий нравственный пьедестал: они отличаются чувством собственного достоинства, непреклонной волей, упорством, трудолюбием, самоиронией, умением стойко выдерживать жизненные невзгоды. Они даже позволяют себе непочтительное, отчасти покровительственно-пренебрежительное отношение к своим господам, «чьё существование находится в их мозолистых руках». Р.Х. Хашхожева пишет: «Крестьяне Кешева самокритичны, им свойственна привлекательная черта, которой не может похвастать чванливая знать, – признание несовершенства собственного быта; они любознательны, проявляют глубокий интерес к быту и культуре других народов. Пытливо спрашивают они, подобно мудрому и хозяйственному Хорю («Записки охотника»), о порядках жизни в других странах, проявляя ум и сметливость» [3]. У Тургенева перед лицом таких сильных самобытных крестьянских характеров, как Хорь и Калиныч, меркнет образ их незначительного во всех отношениях помещика Полутыкина, у Каламбия также весьма определенно чувствуется убежденность в превосходстве грубых и угрюмых холмовников над изысканными и утонченными «обитателями кунацкой», которых писатель даже не

счел нужным персонифицировать: в произведении не представлен ни один образ адыгского дворянина, в то время как из крестьянской среды он особо выделил три конкретных персонажа (это Сольман, Ильяс и Исмель) и дал им довольно развернутую характеристику. Подобно тому, как Тургенев, изучая один крестьянский характер за другим, создал галерею типов русских крестьян, а вместе с ними единый интегрированный образ русского мужика, Каламбий также воплотил в своих конкретных персонажах многогранно очерченный, имеющий множество ликов и воплощений типичный образ современного адыгского труженика, характерной чертой которого является трудолюбие.

Все предыдущие произведения Каламбия (цикл «Записки черкеса», повесть «Абреки») наряду с критикой отживших обычаев и предрассудков представляли собой поиск оптимальной модели жизни и оптимального образа мира современного адыга, который соответствовал бы новым историческим реалиям, установившимся после войны. Именно в очерке «На холме» в простых адыгских крестьянах он нашел искомые черты, в них он увидел свой национальный идеал. Во-первых, в Сольмане, которого в ауле называли философом и «глубокоумным» из-за его жажды знаний, его пристрастия к дискуссиям и желания постичь содержание книг, он увидел воплощение своей главной мечты о просвещении соотечественников, искоренении их вековой темноты, пробуждении в них стремления учиться: мимоходом автор отметил, что содержание переведенных им Сольману басен Крылова стало достоянием широкого круга крестьян и вызвало их глубокий интерес. Во-вторых, у горских тружеников Каламбий отметил отсутствие закоренелого им обычая кровной мести, которое, как отметил писатель, в ходу у «заседателей кунацкой», а холмовники «покоятся месяца два друг на друга... а потом и помиряются сами собой, или люди заста-

вят их ударить по рукам. Кто больше виноват, должен простить обиженного, бузу сварить для него и барана зарезать». Таковы законы мести и примирения у адыгских крестьян, вызывающие уважение писателя. В-третьих, Каламбий отметил в холмовниках важнейшую положительную черту – «темные ночи не производят на них воспламеняющего действия, не возбуждают в их груди беспокойного желания пошарить маленько вокруг себя. Эти почтенные люди предпочитают сидеть спокойно у домашнего очага...» [4]. Иными словами, крестьяне не промышляют воровством. В представлении писателя такова идеальная модель жизни, когда человек после честного трудового дня предается заслуженному отдыху в кругу семьи, а не занимается ночными грабежами и разбоем, как это было принято в дворянской среде и считалось признаком доблести и мужества. В-четвертых, рациональные крестьяне-холмовники в русском соседстве находят для себя несомненные преимущества. Один из них говорит: «Русские во многом полезны нам. Что ни понадобится, бежим тотчас к ним. Бабы наши соберут десятка два яиц, масла, кур, – все это ведь деньги, чистые деньги. Да и сам хоть от скуки нарубишь воз дров и повезешь в станицу, или копну сена – вот и холст на рубаху, да мерка муки. Да что ни возьми – всему есть цена. Только не сиди развесья уши» [4].

В понимании Каламбия такое взвешенное и практичное отношение к при-

сутствию России на Кавказе разумно, поскольку разумно и правильно принять неизбежное, а научиться извлекать из этого выгоду – мудро. Все это и восхищает писателя в адыгских крестьянах. Развивая далее мысль о последствиях появления русских станиц вблизи адыгских аулов, Каламбий отмечает и начавшуюся тенденцию к изменению статуса женщины в адыгском обществе, поскольку в новых социально-экономических реалиях она приобретает экономическую независимость от мужа, а в ряде случаев адыгская крестьянская женщина даже становится кормильцем семьи, так как оказывается более адаптированной в новых условиях. И здесь писатель снова положительно оценивает идею зарабатывания денег собственным трудом: ведь крестьянки (речь идет именно о них, поскольку автор подчеркивает, что женщины других классов не вовлечены в процесс производства товаров и торговли) «неутомимо шьют, ткнут домашние сукна, собирают припасы..., чтобы выручить больше русских монет...». Фактически все это ведет к весомым изменениям в отношениях семейной иерархии: многие из жен уже не признают безусловной власти мужа над собой. И это социальное явление наметившегося раскрепощения женщины в новых общественно-экономических условиях не укрылось от внимания Каламбия-реалиста, изобразившего национальную жизнь своих соотечественников во всем многообразии ее проявлений.

Примечания:

1. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 10. М., 1956.
2. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. М., 1988.
3. Хашхожева Р.Х. Адыгские просветители XIX - начала XX века: В помощь учителю. - Нальчик: Эльбрус. 1993. - 184 с.
4. Каламбий. Записки черкеса. Повести, рассказы, очерки, статьи, письма. Нальчик, 1988. 271 с.